

Философія У. Гамильтона. Очеркъ по исторіи англійской философіи
новаго времени, преимущественно конца 18-го и первой половины
19-го столѣтія.

И. д. экстраорд. проф. А. П. Казанскаго.

ГЛАВА I вступительная. — Мѣсто Гамильтона по отношенію къ предшествовавшимъ философамъ новаго времени, а также въ частности къ предшествовавшимъ философамъ Англій и Шотландіи. Біографическія свѣдѣнія о Гамильтонѣ. Гамильтонъ какъ писатель и литература о Гамильтонѣ.

Любопытное явленіе представляетъ философія въ Шотландіи. Похвальные отзывы о шотландцахъ, какъ о философахъ, попадаютъ у писателей еще 15-го, 16-го и 17-го столѣтій. Слава шотландской націи относительно искусства въ философскихъ диспутахъ и разсужденіяхъ была такъ велика въ то время, что, напр., во Франціи, какъ сообщаютъ упомянутые писатели, если кто-либо изъ вельможъ и знатныхъ людей желалъ дать философское образованіе своимъ дѣтямъ, онъ особенно охотно бралъ учителей именно шотландцевъ. Точно также Шотландія же очень часто поставляла преподавателей по философіи и просто философскихъ диспутантовъ въ континентальные университеты, — и это не только во Франціи, но и въ другихъ государствахъ — въ Испаніи, Италіи, Голландіи, Швеціи, Польшѣ и т. д. Словомъ, въ указанное время шотландцы были такими же извѣстными странствующими рыцарями на философскомъ поприщѣ, какими они были на военномъ. Извѣстно, какое выдающееся участіе принимали шотландцы въ войнахъ того времени, напр. въ 30-лѣтней войнѣ, въ особенности въ войскахъ, предводительствуемыхъ Густавомъ Адольфомъ¹⁾.

¹⁾ См. свѣдѣнія и цитаты изъ сочиненій Скалигера, Сервета или Эразма и Urquhart'a относительно шотландцевъ, какъ философовъ, сообщаемыя Гамилъ-

Начиная съ 15-го же столѣтія въ Шотландіи возникаютъ университеты. Первымъ былъ основанъ университетъ въ С. Эндрьюсѣ — въ 1411 г., затѣмъ въ 1450—51 г. возникъ университетъ въ Глазго, въ 1494 г. — въ Эбердинѣ и наконецъ послѣдній — Единбургскій университетъ былъ призванъ къ жизни королемъ Іаковомъ VI уже послѣ реформациі — въ 1582 г.¹⁾ Эти университеты и сдѣлались кадрами, откуда выходили шотландскіе философствующіе странствующие рыцари, перекочевывавшіе изъ одного пункта Европы въ другой.

Иногда указываютъ, что шотландской философіи, родившейся, по замѣчанію Кузена, въ шотландскихъ университетахъ и развившейся тамъ²⁾, для того чтобы вполне проявить себя, требовалось уничтожить университетскую систему «риджентовъ» (regenting system), подходящую подъ болѣе извѣстную у насъ англійскую же систему туторовъ, которая до нѣкоторой степени продолжаетъ существовать и въ настоящее время собственно въ англійскихъ университетахъ — въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ. Эта система «риджентовъ» господствовала въ шотландскихъ университетахъ до 18-го столѣтія и состояла въ томъ, что извѣстнымъ преподавателямъ — риджентамъ поручалось приготовить извѣстное число студентовъ къ выпускному экзамену по всѣмъ предметамъ, и притомъ приготовить не съ помощью читаемыхъ преподавателями лекцій, а путемъ прочтенія со студентами нѣкоторыхъ одобренныхъ книгъ. Указываютъ, что такая система университетскаго преподаванія оказалась особенно неудобною для развитія національной шотландской философіи: университетскіе преподаватели, которые, какъ сказано, главнымъ образомъ фактически и были шотландскими философами, должны были разбрасываться, занимать свое вниманіе предметами въ сущности посторонними для философіи, между тѣмъ философскія дисциплины именно требуютъ сосредоточенія, — съ другой же стороны они

тономъ — «Discussions on Philosophy etc.» 3 ed. 1866, стр. 119 прим. См. также J. Veitch «Philosophy in the Scottish Universities» Mind, I series, v. II 1877, стр. 75 и слѣд.

¹⁾ J. Veitch, ibidem, стр. 79.

²⁾ V. Cousin «Philosophie Ecossaise» 3-ème édit. Paris 1857, стр. 17

слишкомъ были связаны рекомендованными имъ книгами, ихъ мысль невольно привыкала двигаться только по извѣстному пути и вообще не выходить изъ извѣстнаго круга, она утрачивала свѣ-
жесть¹⁾. Возможно конечно, что это обстоятельство, собственно касающееся университетской жизни, могло вліять отрицательнымъ образомъ на развитіе шотландской философіи; любопытно во всякомъ случаѣ, что первый сравнительно болѣе оригинальный шотландскій мыслитель, котораго нѣкоторые считаютъ даже основателемъ такъ называемой шотландской школы, учитель болѣе извѣстнаго шотландскаго философа Фрэнсиса Гётчисона — Гершомъ Кармейклъ былъ въ то же самое время и первымъ профессоромъ моральной философіи въ Глазговскомъ университетѣ, сосредоточившимъ свое вниманіе, стало быть, только на философскомъ предметѣ, хотя, нужно сказать, это назначеніе онъ получилъ уже довольно поздно — на 55-мъ году своей жизни²⁾. Но всеже, быть можетъ, причины, задерживавшія развитіе шотландской философіи, лежали глубже. Можетъ быть, это были тѣ же причины, которыя задерживали и развитіе оригинальной европейской философіи вообще. Вѣдь только въ 17-мъ столѣтіи, со времени Декарта, въ исторіи европейской философствующей мысли вполне рельефно начинаютъ проявляться новыя вѣянія, — раньше же философія въ Европѣ въ большинствѣ случаевъ была схоластическою, т. е. находящеюся подъ сильнымъ вліяніемъ авторитета. Когда такимъ образомъ послѣдовало пробужденіе мысли въ Европѣ и это пробужденіе достигло до шотландцевъ, заявила о себѣ болѣе самостоятельно и философствующая мысль шотландцевъ, — раньше же, въ силу самаго положенія вещей, шотландцамъ приходилось проявлять свои несомнѣнно засвидѣтельствованныя философскія способности только въ предѣлахъ той же схоластики — въ изученіи книгъ, считавшихся авторитетными, и особенно въ сравнительно остроумномъ толкованіи ихъ и диспутированіи по поводу ихъ.

¹⁾ J. Veitch, цитированная выше статья въ Mind v. II, а также въ томъ же томѣ Mind статья вторая о томъ же предметѣ. Въ основаніи обѣихъ этихъ статей Вича въ сущности лежитъ приводимое въ текстѣ мнѣніе.

²⁾ J. Veitch, Mind, v. II, стр. 209. Относительно же Кармейкла, какъ основателя шотландской школы, см. Hamilton «The Works of Thomas Reid» 8 edit. 1880, v. I, стр. 30. См. также о Кармейклѣ, какъ философѣ, J. McCosh «The Scottish Philosophy» New-York. 1890, стр. 36—42.

Новыя вѣянія въ европейской философіи проявились между прочимъ въ системѣ Декарта (1596—1649) въ томъ извѣстномъ его положеніи, что существуютъ двѣ совершенно самостоятельныя субстанціи — мыслящая и протяженная и что человекъ, духъ котораго также представляетъ собою мыслящую субстанцію, можетъ познавать только состоянія своего духа¹⁾. Уже въ этомъ положеніи заключались затрудненія. Въ самомъ дѣлѣ, если обѣ субстанціи совершенно самостоятельны, слѣдовательно независимы, какимъ образомъ мыслящая субстанція можетъ имѣть какія-либо свѣдѣнія о протяженной? А Декартъ еще, твердо держась мнѣнія, что человекъ познаетъ только состоянія своего духа, утверждалъ, что внѣшній міръ, вещи, существующія внѣ мыслящей субстанціи, дѣйствуютъ на мыслящую субстанцію, производятъ въ ней образы, представленія себя, знанія мыслящей субстанціи о внѣшнихъ для нея вещахъ имѣютъ представляющій характеръ. Однако какія-же гарантіи, что это — дѣйствительно образы? — вѣдь обѣ субстанціи опять-таки совершенно независимы. Но затрудненія были и еще. Въ самомъ знаніи постарался ли Декартъ съ самаго начала такъ сказать подчеркнуть тотъ существенный его характеръ, что знаніе предполагаетъ не только познающаго, но и познаваемое? Изъ самой основной формулы Декарта, строго говоря, нельзя было вывести этого. Извѣстная формула Декарта гласила: «я мыслю, слѣдовательно я существую», — если бы Декартъ сказалъ: «я мыслю о чемъ-либо, противопоставляющемся мнѣ, слѣдовательно я существую», если бы онъ именно подчеркнул въ первой части своей основной формулы этотъ существенный характеръ знанія, очень возможно, что ходъ развитія европейской философіи въ новое время во многихъ случаяхъ былъ бы иной.

Короче сказать, хотя несомнѣнно, что многія изъ положеній Декарта, и въ частности его основная формула въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были очень цѣнны и дали вполне цѣнные результаты, эти же положенія и эта формула могли повести и къ затрудненіямъ. Подобный взглядъ на ученіе Декарта высказы-

¹⁾ См. напримѣръ Декартъ *Medit.* VI. Ср. перев. В. М. Невѣжиной «метафизич. размышленій» Декарта, подъ редакціей и со статьей о Декартѣ проф. А. И. Введенскаго — Труды С.-Петербургскаго философск. общества, вып. I. Спб. 1901.

вался уже давно, онъ въ сущности въ общихъ чертахъ былъ высказанъ еще въ 18-мъ столѣтіи Ридомъ, истиннымъ отцомъ такъ называемой шотландской школы, когда Ридъ, въ виду скептическихъ заключеній Юма, предпринялъ пересмотръ основныхъ положеній европейской философіи новаго времени¹⁾, — такой же взглядъ съ обстоятельнымъ обоснованіемъ былъ высказанъ и недавно шотландцемъ же, въ настоящее время профессоромъ Единбургскаго университета Сетомъ²⁾. И дѣйствительно, уже не говоря о затрудненіяхъ, въ которыхъ привело ученіе Декарта на континентъ, не говоря о философіи окказіонализма, о томъ обстоятельстве, что даже и Спиноза въ сущности не обосновалъ критически положеній своего пантеизма, а высказалъ ихъ только догматически, затрудненія съ особенною силою выразились въ послѣдующей англійской философіи и прежде всего въ ученіи знаменитаго англійскаго философа Локка. Локка (1632—1704) англичане нерѣдко называютъ первымъ основателемъ спеціально британской науки — эмпирической психологіи, — и этотъ эпитетъ конечно вполне заслуженъ Локкомъ. По замѣчанію проф. Смирнова, задача изслѣдованія духовныхъ явленій для психологовъ Англіи состояла въ томъ, «чтобы разлагать сложныя состоянія духа на ихъ простые элементы. Производить этотъ анализъ», продолжаетъ проф. Смирновъ, «иногда легко, а иногда чрезвычайно трудно и требуетъ замѣчательной силы и умѣнія вести дѣло», — и далѣе проф. Смирновъ показываетъ, что англійскій же философъ Бёркли вполне обладалъ этими каче-

¹⁾ «The Works of Th. Reid», изд. Гамильтономъ, т. I — «An Inquiry into the Human Mind» см. напр. посвященіе, 1-ю вступительную главу и заключеніе, также «Essays on the Intellectual Powers of Man», *passim*. Ридъ особенно нападалъ на положеніе Декарта, что духъ человѣка можетъ познавать только свои собственные состоянія, на «теорію идей», какъ формулировалъ онъ это Декартовское положеніе.

²⁾ A. Seth «Scottish Philosophy. A comparison of the Scottish and German answers to Hume» 2 ed. Edinb. a. Lond. 1890, стр. 8—15. Этимъ сочиненіемъ, однимъ изъ самыхъ послѣднихъ по шотландской философіи, мнѣ приходится, какъ можно видѣть въ текстѣ, часто пользоваться въ настоящемъ предварительномъ очеркѣ развитія европейской и англійской философіи до Гамильтона, а также придется пользоваться и въ другихъ частяхъ моего изложенія.

ствами ¹⁾. Это замѣчаніе въ данномъ мѣстѣ своего сочиненія проф. Смирновъ дѣлаетъ по отношенію къ Бёркли, какъ психологу, но то же замѣчаніе можно сдѣлать и по отношенію къ Локку, первому давшему образцы такого анализа. За этотъ-то анализъ Локка и называютъ основателемъ англійской эмпирической психологіи, или, какъ можно выразиться еще, послѣдующаго эмпирическаго или психологическаго направленія въ философіи. И если бы задаться вопросомъ, что поддерживало этотъ анализъ, на этотъ вопросъ можно бы было отвѣтить, что этотъ анализъ согласовался съ положеніями Декарта. Въ самомъ дѣлѣ, если духъ человѣка можетъ познавать только свои собственные состоянія, причемъ эти состоянія не связаны съ самаго начала съ противопоставляющимся познающему, не предполагаютъ въ себѣ съ самаго начала отношеній, если духъ человѣка представляетъ совершенно опредѣленную, независимую, какъ-бы законченную субстанцію, то не естественно ли человѣку, при этой опредѣленности и законченности, постараться свести свои духовныя состоянія къ наиболѣе простымъ элементарнымъ формамъ, выдѣлить именно первичные элементы своихъ духовныхъ состояній? — вѣдь только изъ комбинаціи этихъ, также въ сущности независимыхъ, первичныхъ элементовъ и составитя все знаніе. Но кромѣ анализа есть и другая сторона дѣла, есть та сторона, которую Кантъ назвалъ бы синтетическою, въ силу которой мыслящее существо можетъ сознать свое существованіе и свое тожество какъ мыслящаго субъекта, только познавая противопоставляющеея себѣ — объекты, — и для этой стороны ученіе Локка даетъ очень мало. «Логическое завершеніе ученія Локка», говоритъ проф. Сетъ, «не оставляетъ для него ничего кромѣ атомовъ чувства, не заключающихъ въ себѣ отношеній (unrelated), простыхъ или частныхъ идей, съ которыми онъ и отправился въ путь, какъ съ матеріалами всего нашего знанія. Но этого завершенія самъ Локкъ избѣгаетъ, отчасти открыто уклоняясь отъ своихъ собственныхъ принциповъ, отчасти же благодаря неточности своего языка» ²⁾. Приговоръ кажется строгимъ, и однако дѣйствительно очень трудно изложить ученіе

¹⁾ А. Смирновъ «Философія Бёркли». Варшава 1873, стр. 26—27 и слѣд.

²⁾ Scottish Philosophy, стр. 31.

Локка какъ вполне связную, логически послѣдовательную и точную философскую систему. Въ частности, по отношенію къ интересующему насъ вопросу о познаніи духомъ человѣка внѣшнихъ вещей Локкъ въ первыхъ книгахъ своего знаменитаго сочиненія «Опытъ о человѣческомъ умѣ» вездѣ выражается такъ, какъ будто для него нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что эти вещи существуютъ, вездѣ дѣло идетъ о внѣшнемъ опытѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ надежныхъ источниковъ познанія, признаются даже первичныя качества матеріи, которыя такъ и познаются, какъ существуютъ въ матеріи. Тѣмъ не менѣе въ IV-й книгѣ, гдѣ Локкъ переходитъ къ оцѣнкѣ достовѣрности различныхъ видовъ знанія, оказывается: во 1-хъ, знанія наши о внѣшнихъ вещахъ менѣе достовѣрны, чѣмъ наше же интуитивное знаніе о собственномъ существованіи и знаніе черезъ доказательство о существованіи Бога; во 2-хъ, знаемъ мы только наши текущія ощущенія, при чемъ считаемъ, что они производятся внѣшними вещами, хотя какъ производятъ ихъ внѣшнія вещи — мы и не знаемъ и не понимаемъ. Однако, что касается самого Локка, онъ думаетъ, «что Богъ далъ ему достаточно увѣренности въ существованіи предметовъ внѣ его; такъ какъ, пользуясь ими различнымъ образомъ, онъ можетъ вызывать въ себѣ и удовольствіе и страданіе, а это особенно важно для его существованія въ какое-либо данное время»¹⁾. Нельзя сказать, чтобы это послѣднее ученіе вполне сходилось съ первымъ.

Въ ученіи слѣдующаго, также весьма извѣстнаго англійскаго философа, о которомъ мы уже упоминали, родившагося и проведшаго большую часть своей жизни въ Ирландіи, Бёркли (1685—1753), если взять это ученіе въ цѣломъ, замѣчается, въ связи съ слѣдованіемъ въ общемъ тѣмъ же Локковскимъ принципамъ, нѣкоторое какъ бы отклоненіе. Если, какъ бы рассуждалъ Бёркли, духъ человѣка познаетъ только свои состоянія, но въ то же время считаетъ, что эти состоянія производятся внѣшними для него, матеріальными вещами, хотя, какъ происходитъ это вліяніе матеріальныхъ вещей, онъ не можетъ отдать себѣ отчета, то не естественнѣе ли совсѣмъ устранить эти внѣшнія для духа вещи, объявить, что матеріальныхъ вещей, строго

¹⁾ J. Locke «An Essay concerning Human Understanding» B. IV, ch. XI — Of our knowledge of the existence of other things. Sect. 1, 2, 3.

говоря, и не существуетъ, существуютъ только духовныя состоянія. Такое заключеніе и сдѣлалъ Бёркли, и это и было идеалистическою философіею, связанною съ его именемъ. Но нужно было дать обоснованіе этому идеализму, нужно было показать, чѣмъ обуславливаются эти духовныя состоянія. Въ виду этого обоснованія Бёркли вводитъ въ свое ученіе нѣчто новое, чего, строго говоря, у Локка мы не находимъ. По Локку всѣ наши познанія выходятъ изъ «идей», ближайшіе объекты познанія исчерпываются только «идеями» — терминъ, какъ можно опредѣлить согласно съ общимъ духомъ Локкова ученія, психологическій, т. е. предполагающій только указанный выше анализъ, предполагающій, что все знаніе можетъ быть объяснено изъ первичныхъ, въ сущности независимыхъ элементовъ чувства. Бёркли же къ идеямъ, какъ ближайшимъ объектамъ познанія, присоединяетъ еще «понятія» (*notions*), сначала понятіе духа человѣка о себѣ, а затѣмъ по аналогіи и въ силу принципа причинности понятія духа о другихъ духахъ и также о Божественномъ Духѣ, послѣдней причинѣ и послѣднемъ условіи всякаго познанія, всякихъ духовныхъ состояній и всего существующаго. Терминъ «понятіе» очевидно предполагаетъ вышеуказанный синтезъ, предполагаетъ отчетливое противоположеніе познающаго познаваемому, — и что это дѣйствительно такъ, это доказывается такими встрѣчающимися у Бёркли выраженіями: «слѣдуетъ замѣтить, что такъ какъ всѣ отношенія включаютъ въ себѣ актъ мысли, то собственно нельзя говорить, что мы имѣемъ идею отношеній, скорѣе мы имѣемъ понятіе объ отношеніяхъ или взаимныхъ состояніяхъ между вещами». Такія выраженія напоминаютъ выраженія послѣдующихъ представителей логическаго, какъ можно назвать его, направленія въ философіи, и въ частности въ ученіи о знаніи: по Бёркли человѣку при познаніи не только даются т. е. отдѣльные атомы чувства, но даются объединенными; вмѣстѣ съ чувственными элементами съ самаго же начала при познаніи обнаруживаются и нѣкоторые раціональные элементы, элементы мысли¹⁾.

¹⁾ Сочиненія Бёркли, изданныя проф. Фрэзеромъ въ 4-хъ томахъ, 1-е изданіе, т. I, 1871 — «A Treatise concerning the Principles of Human Knowledge» sect. 142, стр. 230. Проф. Фрэзеръ въ примѣчаніи къ этому мѣсту замѣчаетъ, что здѣсь находится зародышъ кантизма, русскій же изслѣдователь ученія Бёркли, проф. А. Смирновъ, сомнѣвается въ справедливости

На это уклоненіе особенное вниманіе обратилъ еще Ридъ, его онъ сильно подчеркнул¹⁾; и въ самомъ дѣлѣ, какъ замѣчаетъ проф. Сетъ, «если бы Бёркли занялся анализомъ элементовъ, которые его построительная теорія уже предполагала надъ чувственными идеями и предполагала не выводимыми изъ чувственныхъ идей, можетъ быть не было бы Юма; ибо мы имѣли бы въ такомъ случаѣ сразу раціональный идеализмъ вмѣсто чувственнаго»²⁾. Но этого-то и не случилось. Уклоненія Бёркли, хотя и высказываются имъ съ бóльшею опредѣленностью, чѣмъ это имѣетъ

такого утвержденія — «Философія Бёркли», стр. 76 прим. Однако, быть можетъ, проф. Смирновъ понимаетъ терминъ «зародышъ» слишкомъ широко: дѣйстви-тельно трудно было бы видѣть въ приведенныхъ словахъ Бёркли полный прототипъ ученія Канта объ апріорныхъ формахъ разсудка, но здѣсь во всякомъ случаѣ можно видѣть зародышъ послѣдующаго, близкаго къ Канту, логическаго философскаго направленія. Кромѣ того проф. Смирновъ въ своемъ примѣчаніи не подвергаетъ разбору ссылокъ проф. Фрэзера на одно изъ позднѣйшихъ сочиненій Бёркли — «Siris», а между тѣмъ, какъ можно видѣть изъ многихъ указаній Фрэзера въ его изданіи, а также и изъ словъ ученика Фрэзера, проф. Сета (Scott. Philos., стр. 42), именно въ Siris'ѣ и получили бóльшее развитіе эти, какъ я назвалъ ихъ, логическіе, въ зародышѣ, элементы въ ученіи Бёркли. Въ связи съ этимъ и дальнѣйшіе аргументы проф. Смирнова, напр. его ссылка на рѣшительный номинализмъ Бёркли, кажутся мнѣ не столь убѣдительными. Въ предисловіи къ «Principles of Hum. Knowl.» и сопоставляя ученія, содержащіяся въ этомъ сочиненіи, съ ученіями въ томъ же Siris'ѣ, проф. Фрэзеръ показываетъ, какъ онъ понимаетъ номинализмъ Бёркли даже и въ раннемъ періодѣ его философствованія — «единственный законный родъ абстракціи», говоритъ здѣсь проф. Фрэзеръ, «есть тотъ, черезъ который мы получаемъ называемое Бёркли *понятіями отношеній* между идеями, какъ отличающимися отъ самихъ идей. И такъ какъ для установленія понятій требуются и *имена*, эта вступительная (въ Трактатѣ о принц. человѣч. знанія) полемика противъ отвергаемыхъ Бёркли абстрактныхъ идей принимаетъ форму того, что называется номинализмомъ» (предисловіе Фрэзера къ Principles of Hum. Knowl. въ I томѣ его изд., стр. 118—119, ср. прим. на стр. 119). Это пониманіе, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, вполне совмѣстимо съ признаніемъ нѣкотораго, правда еще отдаленнаго, родства Бёркли съ Кантомъ.

¹⁾ The Works of Th. Reid, т. I — «Essays on the Intellectual Powers of Man», essay II, chapt. XI, стр. 287—292.

²⁾ Scott. Philos., стр. 40.

мѣсто у Локка, всеже, особенно въ болѣе раннихъ его сочиненіяхъ, кажутся, какъ и у Локка, не стоящими въ полномъ и точномъ соотвѣтствіи съ господствующимъ духомъ системы, господствующій духъ системы Бёркли остается или могъ казаться остающимся для современниковъ Бёркли и для непосредственно слѣдующаго поколѣнія въ общемъ господствующимъ духомъ Локкова ученія. Отсюда и неудивительно, что Юмъ именно явился, что еще при жизни Бёркли, въ 1739 г., явилось замѣчательное сочиненіе Юма, произведшее переворотъ во всей послѣдующей философіи — «Трактатъ о человѣческой природѣ», сочиненіе, по взгляду самого Юма, во многомъ опирающееся и на ученія Бёркли.

Юмъ (1711—1776) былъ уже шотландцемъ, по сообщенію его біографовъ относившимся къ англичанамъ иногда очень непріязненно¹⁾, однако къ тому, что обыкновенно называется ученіемъ шотландской школы, его философія имѣетъ только отрицательное отношеніе, она только вызвала это послѣднее ученіе; философія Юма принадлежитъ собственно англійской философіи. Обращаясь къ философскому ученію Юма, необходимо, какъ и по отношенію къ ученію Локка, сдѣлать предварительно оговорку. При оцѣнкѣ Юма, какъ философа, постоянно приходится встрѣчаться съ противорѣчивыми мнѣніями: по мнѣнію однихъ Юмъ является піонеромъ научнаго метода, по мнѣнію же другихъ онъ оказывается скептикомъ, даже философскимъ нигилистомъ. Невольно является вопросъ—какое же изъ этихъ двухъ мнѣній вѣрно? Оба эти мнѣнія можно, какъ кажется, принять какъ вѣрныя въ нѣкоторой степени: все зависитъ отъ того, на основаніи какихъ сторонъ ученія Юма мы будемъ составлять наше сужденіе о немъ. Юмъ былъ представителемъ эмпирическаго направленія въ философіи, онъ, слѣдуя духу того времени въ Англіи, выразившемуся еще въ ученіи Бэкона, старался, особенно съ Локкомъ, а также и съ Бёркли, обезпечить за чувственнымъ опытомъ, какъ источникомъ познанія, и въ философіи, въ философскихъ наукахъ то существенное значеніе, какимъ уже сталъ пользоваться чувственный опытъ въ физи-

¹⁾ См. напр. рѣзкіе отзывы Юма объ англичанахъ, приводимые Гёксли. Франц. переводъ G. Comraugé сочиненія Гёксли о Юмѣ. Парижъ 1880, часть I, гл. II, стр. 53 и слѣд.

ческихъ наукахъ, — естественно отсюда онъ могъ высказать много цѣннаго для метода наукъ. Но кромѣ эмпирическаго направленія, которое, какъ оно выразилось у Локка, находившагося въ этомъ случаѣ подъ нѣкоторымъ вліяніемъ и Декарта, можно еще назвать психологическимъ, есть и другое — логическое направленіе въ философіи; чувственного опыта, какъ источника познанія, никоимъ образомъ нельзя отдѣлять отъ другого источника — мысли; — поскольку Юмъ изолировалъ психологическое направленіе и слѣдовалъ только ему, онъ и пришелъ къ скептическимъ положеніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ постоянно указываютъ представители логическаго направленія и какъ за послѣднее время стали выражаться и психологи, вѣдь первичные элементы, изъ которыхъ слагается, по ученію психологическаго направленія, все знаніе человѣка, собственныя ощущенія, сами суть чистѣйшія абстракціи. Для того чтобы просто познать эти первичные элементы знанія, необходимо поставить ихъ въ связь съ тѣмъ, кто познаетъ ихъ, а также и съ другими подобными же элементами, т. е. необходимо съ перваго же момента надѣлать ихъ отношеніями, ввести въ познаніе отношенія, нѣкоторые элементы мысли. Юмъ же, при объясненіи познанія, именно старался устранить эти элементы мысли, какъ основныя, начальныя; исходя изъ того вѣрнаго наблюденія, что въ прежнія времена мысль, благодаря чрезмѣрной вѣрѣ въ себя, допускала познаніе безъ предварительнаго чувственно-опытнаго ознакомленія съ предметами познанія, что мысль т. ск. нерѣдко переоцѣнивала свое участіе при познаніи, Юмъ съ своей стороны какъ бы переоцѣнилъ участіе чувственного опыта. Сила стараго суевѣрія (superstition), по выраженію Юма въ болѣе популярномъ его сочиненіи — «Исслѣдованіе о человѣческомъ умѣ»¹⁾, дѣйствительно была ослаблена, опытные науки и философія, особенно изъ философскихъ наукъ психологія, несомнѣнно должны были выиграть отъ признанія за чувственнымъ опытомъ такого существеннаго значенія, но односторонность постановки дѣла всеже сказалась, она сказалась въ нѣкоторыхъ скептическихъ положеніяхъ, къ которымъ пришелъ въ концѣ

¹⁾ «Inquiry concerning Human Understanding», sect. I — по изданію Green'a и Grose'a философскихъ сочиненій Юма нов. изд. 1882, т. IV, стр. 8 и слѣд.

своего учения Юмъ. Скептицизмъ этотъ не долженъ былъ быть рѣшительнымъ, онъ долженъ былъ быть умѣреннымъ, какъ выражается Юмъ въ томъ же болѣе популярномъ своемъ сочиненіи¹⁾, но окончательныя положенія Юма всеже во многомъ подвергли сомнѣнію убѣжденія людей, до тѣхъ поръ считавшіяся достовѣрными. И при этомъ ближайшимъ образомъ эта постановка дѣла связана съ разсмотрѣннымъ ходомъ развитія предшествовавшей философіи: ближайшимъ образомъ Юму удалось только болѣе, чѣмъ его непосредственнымъ предшественникамъ — Локку и Бѣркли, привести къ естественному логическому концу положенія, заключавшіяся, какъ мы видѣли, еще въ ученіи Декарта. Въ этомъ и лежитъ особенное значеніе Юма для послѣдующей философіи: необходимость пересмотра основныхъ положеній, приводящихъ къ существеннымъ затрудненіямъ, ясно обнаружилась въ ученіи Юма.

Какія же были главнѣйшія положенія учения Юма? Вполнѣ принявъ то утвержденіе Бѣркли, что внѣшнихъ вещей не существуетъ, а существуютъ только духовныя состоянія, и оставивъ безъ вниманія, что Бѣркли говорилъ въ связи съ этимъ утвержденіемъ, Юмъ постарался придать этому утвержденію точную и послѣдовательную съ своей точки зрѣнія форму. По Локку, какъ мы видѣли, существуютъ всеже внѣшнія вещи, какимъ-то образомъ производящія ощущенія въ духѣ людей, Бѣркли съ своей стороны для обоснованія своего идеализма представилъ цѣлую теорію существованія духовъ и Божественнаго Духа. Юмъ теперь, въ качествѣ первичныхъ элементовъ познанія, принимаетъ два класса только «перцепцій», какъ выражается онъ, замѣнивъ этимъ терминомъ «идеи» Локка и Бѣркли: «впечатлѣнія» и «идеи». Разница между этими двумя классами та, что впечатлѣнія сознаются духомъ съ болѣею силою и живостью, идеи суть только ослабленные впечатлѣнія²⁾; впечатлѣнія отсюда собственно и оказываются по Юму первичными, крайними эмпирически данными элементами познанія, за ними не стоитъ ничего, а изъ нихъ, и только изъ нихъ, возникаетъ все дальнѣйшее

¹⁾ Ibidem, sect. XII, part III, стр. 132 и слѣд.

²⁾ «A Treatise on Human Nature», Book I, Part I, sect. 1 — по изд. Green'a и Grose'a сочиненій Юма 1882, т. I, стр. 311.

знаніе людей. Но люди всеже убѣждены въ существованіи внѣшнихъ для нихъ вещей, они убѣждены кромѣ того и въ существованіи нѣкоторыхъ необходимыхъ связей между внѣшними предметами, — по Юму всѣ эти убѣжденія не что иное какъ иллюзіи, и Юмъ старается объяснить возникновеніе этихъ иллюзій. Что касается до иллюзіи существованія внѣшнихъ вещей, внѣшнихъ субстанцій, какъ называли ихъ философы, эти иллюзіи обуславливаются по Юму дѣятельностью воображенія, а регуляторомъ здѣсь является разумъ. Имѣя дѣло только съ прерывающимися духовными состояніями и склонное превращать представляющіяся сходства въ полныя тождества, воображеніе, въ силу стремленія не останавливаться въ своей дѣятельности, охотно готово признать, что эти фактически прерывающіяся духовныя состоянія на самомъ дѣлѣ не прерываются, что имъ присуще и независимое отъ познающаго духа существованіе. Но здѣсь и вмѣшивается разумъ: признать существованіе не перцепируемыхъ перцепцій съ точки зрѣнія разума невозможно, и такимъ-то образомъ и возникаетъ гипотеза двойкаго существованія внѣшнихъ предметовъ — существованія предметовъ уже не какъ перцепцій, а какъ тождественныхъ, неизмѣнныхъ предметовъ, независимыхъ отъ нашего людскаго познанія, что составляетъ собственно мнѣніе философовъ, и существованія тѣхъ же предметовъ, какъ они являются въ актѣ познанія, взглядъ обыкновенныхъ людей. Для Юма и то и другое мнѣніе невѣрны, для Юма на самомъ дѣлѣ существуютъ только духовныя состоянія, только перцепціи, отличныя другъ отъ друга и отъ чего бы то ни было во вселенной¹⁾. Далѣе относительно необходимыхъ связей между внѣшними предметами, относительно того, что по убѣжденію людей между внѣшними предметами, а иногда и ими самими и внѣшними предметами, есть причинная связь, Юмъ выражается, что и это убѣжденіе — иллюзія, причинная связь объясняется только привычкою. Люди при своемъ познаніи привыкли встрѣчать постоянную связь между одними своими духовными состояніями и другими, и это постоянство они готовы признать необходимою. Но необходимаго здѣсь ничего нѣтъ,

¹⁾ Ibidem, Part IV, sect. 2, *passim* и разъясненія этихъ мѣстъ Юмова Трактата у Ceta Scott. Philos., стр. 58—60 и у А. Смирнова Филос. Бѣрки, стр. 136—138.

по крайней мѣрѣ сами люди не въ состояніи открыть причинъ такой необходимости. «Оказывается», говоритъ Юмъ въ своемъ болѣе популярномъ сочиненіи, въ «Исслѣдованіи», во 2-ой заключительной части разсужденія объ идеѣ необходимой связи, «что на отдѣльныхъ примѣрахъ дѣйствія тѣла мы совершенно не можемъ, при самомъ тщательномъ изслѣдованіи, открыть что-либо кромѣ слѣдованія одного событія за другимъ.... Таже самая трудность проявляется и при разсмотрѣніи дѣйствій духа на тѣло; мы замѣчаемъ здѣсь, что движеніе тѣла слѣдуетъ за желаніемъ духа, но мы совершенно не въ состояніи замѣтить или понять связь, связывающую движеніе съ желаніемъ, или энергію, въ силу которой духъ производитъ это дѣйствіе.. Всѣ событія кажутся совершенно несвязанными и отдѣльными. Одно событіе слѣдуетъ за другимъ, но мы никогда не можемъ наблюсти какой либо связи между ними. Они кажутся *сопоставленными* (conjoined), но никогда не *соединенными* (connected)», и далѣе Юмъ переходитъ къ указанному объясненію, какъ всетаки возникаетъ иллюзія необходимой связи¹⁾. Наконецъ, не слѣдуетъ ли подвергнуть подобному же анализу и самый субъектъ познанія, познающее «я», что философы называли духовными субстанціями? Только въ концѣ I-й книги своего «Трактата», стало быть въ концѣ всего разсужденія о разумѣ, Юмъ рѣшается всеже произвести свою разлагающую операцію и надъ этимъ послѣднимъ понятіемъ: иллюзія существованія познающаго духа, какъ тождественнаго лично, оказывается обусловливаемою тою же дѣятельностью воображенія, какъ это было и при иллюзіи существованія тождественныхъ внѣшнихъ вещей²⁾. Однако въ «Исслѣдованіи» онъ не повторяетъ этого послѣдняго анализа.

Съ чѣмъ же остается въ концѣ анализовъ Юма философствующій человѣкъ? не остается ли онъ въ концѣ съ чѣмъ-то постоянно измѣняющимся? И вотъ, даже у болѣе послѣдовательнаго и точнаго Юма дѣлаются уступки въ сторону логическаго по нашей терминологіи направленія. Уже въ первомъ сочиненіи Юма, въ «Трактатѣ», въ 1-й еще части I-й книги мы встрѣчаемъ разсужденія объ отношеніяхъ, о томъ, что первоначаль-

¹⁾ Inquiry, sect. VII, part II — по изд. Green'a и Grose'a т. IV, стр. 61.

²⁾ Treat. of Hum. Nat. Book I, Part IV, sect. 6 passim.

ныя духовныя состоянія всетаки могутъ быть поставлены въ извѣстныя отношенія другъ съ другомъ, стало быть не вполне независимы другъ отъ друга¹⁾. Далѣе въ число отношеній же вводится пространство и время, и во 2-й части мы находимъ такую дѣйствительно интересную для Юма фразу: «идеи пространства и времени такимъ образомъ не суть отдѣльныя и отличныя идеи, но просто идеи способа или порядка существованія предметовъ»²⁾, идеи, слѣдовательно, для которыхъ нѣтъ соответствующихъ предшествующихъ впечатлѣній, идеи, обнаруживаемыя мыслью. Затѣмъ, какъ указываетъ проф. Сетъ, и въ разложеніи субъекта познанія, познающаго «я», находится многое, могущее подать поводъ къ упрекамъ въ непоследовательности, — то, что изгоняется какъ познающее «я», тутъ же возвращается какъ нѣкоторое другое «я» подъ видомъ памяти или подъ видомъ воображенія³⁾. А въ связи съ этимъ въ «Исслѣдованіи» мы находимъ слѣдующее извѣстное мѣсто: «Всѣ предметы человѣческаго разсужденія или исслѣдованія естественно могутъ быть раздѣлены на два класса: *отношенія идей и факты*. Къ первому классу принадлежатъ науки — Геометрія, Алгебра и Арифметика, словомъ всѣ утвержденія несомнѣнныя или интуитивно или черезъ доказательство... Предложенія этого рода открываются простою операціею мысли и нисколько не зависятъ отъ чего-либо существующаго во вселенной. Хотя бы никогда не существовало круга или треугольника въ природѣ, истины, доказанныя Эвклидомъ, всегда сохраняютъ несомнѣнность и очевидность»⁴⁾. И всетаки все это, строго говоря, не вяжется съ основными положеніями Юма. Если взять все его ученіе и если взять, какъ оно выразилось въ его болѣе раннемъ, болѣе обработанномъ научно «Трактатѣ»⁵⁾, всѣ подобныя утвержденія окажутся въ сущности уклоненіями отъ общаго духа Юмова ученія.

¹⁾ Ibidem, Part I, sect. 5 — по изд. Green'a и Grose'a т. I, стр. 322—323.

²⁾ Ibidem, Part II, sect. 4 — по изд. Green'a и Grose'a т. I, стр. 346.

³⁾ Scott. Phil., стр. 62—63.

⁴⁾ Inquiry, sect. IV, part I, — по изд. Green'a и Grose'a т. IV, стр. 20 — 22.

⁵⁾ О значеніи для философскаго ученія Юма именно его «Трактата», а не «Исслѣдованія», не смотря на слова самого Юма, приведенныя въ началѣ посмертнаго изданія его «Исслѣдованій», ср. предисловіе къ изданію сочиненій Юма Green'a и Grose'a — т. I, стр. V—VII.